ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Современный британский дискурс: когнитивно-коммуникативный аспект

Бузинова Л. М., Седых А. П., Кайржанова Д. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить типологические признаки современного дискурсного узуса британского варианта английского языка не только на уровне передачи коммуникативной информации, но и на уровне способов формирования и отражения алгоритмов мышления британцев. Методология исследования опирается на положения лингвостилистики и семиопрагматики, реализуемые в русле анализа сегментов аутентичного британского дискурса. Научная новизна работы заключается прежде всего в выходе за рамки традиционной микролингвистической модели на базе интеграции контекстуальных аспектов и динамики обмена информацией для анализа дискурса в реальных коммуникативных ситуациях. Полученные результаты показали активную эволюцию прагматических маркеров британских нарративов, отражающую более гибкое управление категориями вежливости и социальной вовлечённости, а также элементы воздействия цифровых технологий на лингвокогнитивные процессы ремоделирования категории «британская идентичность». Горизонты дальнейших изысканий в рамках когнитивно-коммуникативного анализа современного британского дискурса связываются с обновлёнными позициями критического дискурс-анализа, применением инновационных механизмов когнитологии и с грядущими конструктивными модификациями Британского национального корпуса.

EN

Contemporary British discourse: a cognitive-communicative aspect

L. M. Buzinova, A. P. Sedykh, D. A. Kayrzhanova

Abstract. The study aims to identify the typological features of contemporary discourse usage in British English, examining not only the transmission of communicative information but also the ways in which British thought patterns are formed and reflected. The research methodology draws on principles of linguistic stylistics and semiopragmatics, applied through the analysis of authentic British discourse segments. The study's scientific novelty lies primarily in transcending the traditional microlinguistic model by integrating contextual aspects and information-exchange dynamics; this allows for the analysis of discourse in real-world communicative situations. The results reveal an active evolution of pragmatic markers in British narratives – reflecting a more flexible management of politeness and social engagement – as well as the impact of digital technologies on the linguo-cognitive processes involved in remodeling the category of "British identity". Future research within the framework of the cognitive-communicative analysis of contemporary British discourse is linked to updated perspectives in critical discourse analysis, the application of innovative mechanisms from cognitive science, and upcoming constructive modifications to the British National Corpus.

Введение

В настоящее время в мире существует несколько вариантов английского языка (американский английский, австралийский английский, канадский английский и индийский английский, среди прочих), историческим предком которого является британский английский. Эти варианты различаются прежде всего по произношению (акцент), лексике (например, *elevator* в США vs *lift* в Соединенном Королевстве) и некоторым правилам правописания (*color vs colour*).

По мысли ряда исследователей, британский английский остаётся образцово-элитарным языком для всего англоговорящего мира (Gamble, 2009; Kweku-Duah, Rutakirwa, 2020; Leydier, 2008; Malik, 2014). Данное утверждение нуждается в уточнении, поскольку статус британского английского значительно изменился в связи с ростом популярности американского английского и появлением международных стандартов.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260494

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

В Европе, Африке и большей части Азии (например, в Индии) британский английский (*Received Pronunciation* или *BBC English*) часто остается *стандартом обучения*. Он сохраняет сильный имидж престижа, академической строгости и культурного элитизма. В деловой, технологической, развлекательной (кино, музыка) и научной сферах американский английский утвердился в качестве глобального стандарта. Для многих неносителей языка он воспринимается как более современный и доступный. Сегодня истинным международным языком общения является *упрощенный английский* (*Globish*), свободный от британских или американских особенностей, используемый для транснациональной коммуникации.

По нашему мнению, британский английский обладает достаточным количеством признаков для целесообразности и востребованности его изучения в современном языкознании, в частности посредством анализа его фонетических, лексических и синтаксических вариаций в сравнении с другими вариантами английского языка в мире, а также в силу своих прагматических, культурных и структурных особенностей, которые продолжают оказывать влияние на формирование восприятия и передачу сообщений среди представителей англофонии.

Актуальность изучения когнитивно-коммуникативных характеристик британского английского языка заключается в том, что такой подход позволяет понять, как ментальные структуры говорящих (когнитивная составляющая) влияют на их реальное взаимодействие (коммуникативный аспект) и проявляются в нем, выходя за рамки использования элементарной лексики и простых грамматических правил. Актуальными остаются и задачи составления и дальнейших разработок карты культурных представлений, что позволяет анализировать концептуальные метафоры и модели обыденного мышления, специфичные для британского общества, показывая, как его история и ценности формируют его язык.

Это неформальное языковое наследие отражает специфическое мировоззрение и миромоделирование, в котором часто самоирония и чувство общности занимают центральное место. Итак, в британской дискурсной культуре общение опирается на тонкие нормы, которые ставят во главу угла сдержанность, вежливость и сохранение лица. Для выявления указанных характеристик в работе решаются несколько ключевых эпистемологических задач:

- анализ когнитивно-коммуникативного феномена британской недоговорённости (смягчение последствий);
- декодирование косвенных высказываний языка (неявные смыслы);
- изучение прагматики элементов британского юмора и иронии;
- рассмотрение и описание дискурсных проявлений негативной вежливости.

Решение задач, заявленных в работе, опирается на следующие методы исследования: метод теоретического обобщения, используемый для синтеза таргетных данных и формализации концептуальной основы научного описания британской когниции и коммуникации; интерпретационный метод, применяемый для расшифровки и понимания более глубокого смысла высказываний косвенного формата и британского иронического дискурса; метод контекстуально-культурной соотнесённости семантики устойчивых выражений для реконструирования национальных моделей негативной вежливости; корпусный анализ с целью выявления рекуррентных лингвистических и коммуникативных закономерностей в рамках реализации дискурсных стратегий, используемых субъектами в их естественном контексте.

Материалом для исследования послужили дискурсные фрагменты, взятые из национального британского корпуса текстов, справочные ресурсы (интерактивные энциклопедии, толковые словари, тезаурусы), а также картотека лексики и высказываний носителей британского английского, составленная профессором Аркадием Седых за десятилетний период пребывания и преподавания в учебных заведениях Соединённого Королевства на основе наблюдений за речью британцев в различных условиях дискурсной практики (данные хранятся в личном архиве профессора).

Современный британский дискурс, сформированный глубокими политическими, социальными и культурными изменениями последнего времени, представляет собой сложный и изменчивый конгломерат, актор-субъект которого находится в процессе переосмысления своей идентичности, «разрывающейся» между сохранением традиционных структур и необходимостью адаптации к масштабным геополитическим потрясениям.

Согласно неоклассическому определению, дискурс – это сущность, находящаяся на пересечении как минимум четырех дисциплин: лингвистики, философии, социологии и теории коммуникации (Дейк, 2013; Карасик, 2025; Культурная сложность…, 2016; Фуко, 2004; Kerbrat-Orecchioni, 2005; Wierzbicka, 2021). Данный объект междисциплинарного анализа достаточно широко распространён в гуманитарных науках, но вместе с тем обладает большим эвристическим потенциалом, продолжая привлекать внимание представителей дискурсологии (Наумов, 2025; Олянич, 2004; Albrespit, 2011), семиологии и прагматики (Липкин, 2007; Charaudeau, 2009; Puren, 2002), а также исследователей интеракциональной коммуникации (Bechhofer, McCrone, 2007; Sedykh, 2021).

Теоретической базой исследования послужили труды Н. Н. Болдырева (2015; 2020; 2021), В. З. Демьянкова (2001), Е. С. Кубряковой (2007), Тёна ван Дейка (2013; Dijk, 2024), Н. Фэркло (Fairclough, 2013), посвящённые антропоцентрической парадигме научного знания, дискурс-анализу и интерпретационному методу изучения эмпирических данных. Также учитывались работы В. В. Власовой (2025), Е. А. Жовнер (2022), Д. Н. Караваевой (2016), Е. П. Матузковой (2014; 2015), в которых отражены современные подходы к исследованию и реконструкции британской лингвоидентичности. Немаловажным моментом исследования явились положения лингвокультурологии, что стало возможным благодаря трудам С. В. Гарагули (2024), В. И. Карасика (2025), G. Leydier (2008).

Теоретическая значимость исследования обусловлена эпистемологическим вкладом в развитие новой этнографической и эмической дискурсологии. Работа выходит за рамки чисто описательного анализа и предлагает

углубленное теоретическое моделирование социальных и дискурсных динамик. Сочетая эндогенные перспективы британской культурной системы и анализ дискурса, исследование дает новые концептуальные инструменты для понимания того, как представители этой культуры конструируют смыслы, «договариваются» о своих идентичностях и структурируют повседневное взаимодействие.

Практическая значимость исследования видится в том, что результаты анализа британского дискурса найдут воплощение в лингводидактике иностранных языков на уровне оптимизации стратегий убеждения, анализа различных видов дискурса и создания академических проектов, включающих инновационные обучающие технологии, а также в широком спектре профессиональных и прикладных областей, связанных с межкультурной коммуникацией, средствами массовой информации и информационными технологиями.

Обсуждение и результаты

Современный британский английский служит призмой, через которую преломляются коммуникативные и когнитивные аспекты языкового сообщества, в частности прагматические стратегии и лингвистические структуры носителей национального языка, которые одновременно отражают и формируют способы мышления его носителей. Как и любой другой язык, он используется не только для выражения идей, но и активно формирует мировосприятие британцев. В контексте современной Великобритании эта лингвокультурологическая двойственность между свойствами «зеркала» (система ценностей) и способностями «архитектора» (когнитивные модели) проявляется несколькими весьма специфическими способами.

Зеркало общества *(трансляция ценностей)*

Современный британский английский напрямую отражает историю, социальную структуру и коллективную психику своих носителей, в первую очередь, навязчивую идею вежливости и дистантности через интенсивное использование смягчающих конструкций (*hedging*), таких как “*I was wondering if…*” (*Я хотел бы узнать, если…*) или «Не могли бы вы…» (*Could you possibly…*), отражающих культуру, которая ценит личное пространство и стремится избегать прямых конфликтов (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – *Л. Б., А. С., Д. К*). Различия в акцентах (от стандартного британского произношения до кокни или эстуарного английского) и лексике служат непосредственным отражением классовой системы, а именно социально-экономического расслоения страны. Систематическое использование юмора и самоиронии (риторическое преуменьшение) – например, фраза “*It's a bit damp outside*” (На улице немного сыро) во время ливня – демонстрирует британское стремление к преодолению трудностей посредством людической самоотстраненности.

Архитектура мышления *(когнитивная модель)*

В функции дискурсного «архитектора» сама структура языка ориентирует «британский “ум” на концептуализацию реальности особым образом, в частности на “жонглирование” металогическими нюансами и двусмысленностями» (Williamson, 2014, p. 213). Обладатель множества нюансов для выражения одной и той же идеи (благодаря двойному германскому и англо-нормандскому наследию), британский английский приучает носителей языка к аналитическому, нюансированному мышлению, которое за рубежом иногда воспринимается как лицемерие или расчетливость. Интересной с данной точки зрения является специфическая связь со временем и действием, которое проявляется через строгое использование видовых характеристик глагола, таких как, например, в рамках времён *Present continuous* и *Past continuous*, которые заставляют говорящего сосредоточиться на разворачивающемся действии в реальном времени, специфически модулируя восприятие настоящего по сравнению с более статичными языками, такими как русский, французский и немецкий (Чижова, Седых, Вавилина, 2025). Добавим также, что британский английский сегодня развивается под влиянием мультикультурализма (например, *Multicultural London English* или MLE) и глобализации. На уровне когнитивно-коммуникативных признаков он продолжает отражать изменения в британской идентичности, одновременно формируя мировоззрение новых поколений.

Британская культура действительно отличается уникальной дискурсной культурой и смыслами, которые служат настоящими окнами в историю страны, традиционные ценности и коллективное сознание их носителей (Gamble, 2009). Идеакциональные конструкты британского социума часто трудно поддаются ретрансляции в когнитивно-коммуникативное пространство других языковых сообществ (Матузкова, 2015). Нижеследующий ряд слов и словосочетаний проецирует неповторимую британскую сущность, буквальный перевод которых на иностранные языки неспособен передать сущностные характеристики национальных концептов-уникалий:

- *Честная игра* (***fair play***)

Концепт, зародившийся в британских частных школах XIX века, подразумевает строгое соблюдение писаных и неписаных правил игры (Наумов, 2025). Благодаря когнитивной проекции эта спортивная категория была перенесена на общественную, политическую и социальную почву. Вербализация честной игры активирует ментальный сценарий, в котором справедливость, принятие поражения и уважение к сопернику имеют приоритет над личной выгодой.

Лексикализация понятия как устойчивого выражения представляет собой проблему перевода на другие языки (например, французский), демонстрируя его когнитивную национальную специфику. В британском языке термин, состоящий из прилагательного “fair” (справедливый, равноправный, эстетически чистый) и существительного “play” (игра, действие), ментально вызывает диалектические корреляции «естественной гармонии между действием и моралью» (BDPF). Когда другие культуры заимствуют данный термин, они

не просто «импортируют» спортивный термин, а принимают декларируемую британцами когнитивную модель «благородства в усилиях» (BDPF). Речь идёт гораздо о большем, нежели простом уважении к правилам в спорте; это жизненная философия, основанная на «справедливости, честности, внимании к другим и достоинстве, как в победе, так и в поражении» (LDOCE).

Итак, национальная концепция честной игры выходит далеко за рамки спорта и становится этической и социальной нормой. Политический и управленческий дискурс Британии в значительной степени опирается на лексику честности, принятия правил игры и уважения к сопернику. К наиболее узусным лингвостилистическим приёмам относятся спортивные метафоры (в основном из крикета или регби) и акцент на равных возможностях (равные условия игры). Так, политик, признающий поражение, может сказать: «Мы провели честную кампанию, и мы должны поздравить наших соперников с победой» (*We fought a clean campaign, and we must congratulate our opponents on their victory*). Выражение «Это просто не крикет» (*It's just not cricket*) также часто используется для осуждения несправедливого или нечестного поведения (BNC).

- *Невозмутимость* (***stiff upper lip*** *= букв.* ‘жесткая верхняя губа’)

Когнитивно-коммуникативный интерпретационный анализ вербализации данной британской мифологемы свидетельствует о том, как жест стал культурным символом выносливости и эмоциональной сдержанности. По сути дела, речь идёт об исторически сформированном британском концепте, который относится к способности оставаться стоическим, спокойным и подавлять свои эмоции перед лицом невзгод или трагедии. С когнитивной точки зрения выражение основано на метафоре, смысл которой можно передать медицинской дефиницией «самоконтроль как физическая ригидность» (self-control as physical rigidity) (MD).

Известно, что дрожание верхней губы – один из первых видимых физиологических признаков грусти, страха или надвигающихся слез. Британец, фиксируя данную часть лица, коммуницирует собеседнику когнитивный сигнал жёсткого самоконтроля. Концептуальная вербализация подобного действия означает целенаправленный переход от соматического рефлекса к философскому идеалу посредством купирования телесных проявлений ради сохранения целостности разума. В контексте современных дискуссий о психическом здоровье в Британии все чаще критически обсуждается феномен эмоционального выгорания. В настоящее время он переосмысливается как синоним психологического вытеснения, иными словами, нежелания и неспособности британца транслировать свою уязвимость, препятствуя проявлениям эмпатии (BDPF).

- *Кутёж; веселье; вечеринка* (***craic***)

Слово, родившееся в Северной Ирландии и распространившееся по всему архипелагу, которое означает: смесь оживленных разговоров, атмосферы товарищества, юмора, остроумия и приятного времяпрепровождения (TPD). Когнитивный анализ концепта “craic” в британском дискурсе выявляет сложный феномен реверсивного культурного заимствования, стереотипизации и семантической «маршандизации» (LDOCE). В британском дискурсе данное понятие претерпевает когнитивную перестройку. В Ирландии “craic” – это целостное культурное понятие, неотделимое от социальных связей, искусства беседы и спонтанности в обществе. В британском дискурсе он часто сводится к стереотипу праздничного духа или простому обозначению атмосферы паба (“commodified craic” = коммодифицированный крейк), теряя часть своей первоначальной глубины и смыслового содержания исходного ирландского мировосприятия (COLLINS).

Коммуникативный разбор заимствованных выражений показывает, что британец воспринимает лексему «craic» не как простое слово, а как шкалу социальной оценки, варьирующуюся от отрицательного полюса до абсолютного. Например, вопрос “What's the craic?” (когнитивный эквивалент What's new? = Что нового?) в устах британцев отражает не только узнать «новости», но включает в себя целое понятие товарищества, оживленных разговоров, смеха и хорошего настроения. Использование этого слова позволяет мгновенно создать теплую и неформальную атмосферу, тогда как градация выражений от “Minus craic” (полное отсутствие интереса) до “The craic was ninety” (крейк был просто потрясающим) передаёт достаточно точную шкалу эмоциональных и социальных ценностей, а не просто бинарное понятие (либо весело, либо нет). При этом ирландцы используют целый ряд промежуточных степеней: “Good craic” (хорошее веселье), “Mighty craic” (отличный крейк), “Savage craic” (дикий кутёж), “Deadly craic” (убийственный крейк), чтобы точно оценить качество вечеринки или атмосферу места её проведения (BNC). Как видим, в британской культуре концепт “craic” занимает одно из центральных и институционализированных мест, несмотря на своё ирландское происхождение.

- *Неловкость* (***awkwardness***) (в социальном плане)

В британском социуме угловатость или смущение в межличностных отношениях возведены почти в ранг искусства. Британцы остро ощущают личное пространство и приватность, что часто порождает инстинктивный страх вмешаться или «устроить сцену» (*create a scene*) (OUPA).

Когнитивный и коммуникативный разбор данного концепта указывает на то, что данное явление выходит за рамки простых индивидуальных ощущений и становится инструментом социального взаимодействия и опорой культурной идентичности в Соединенном Королевстве. С когнитивной точки зрения неловкость британца связана с восприятием несоответствия между ожидаемым поведением и реальностью взаимодействия. Британский менталитет рассматривает интерперсональное взаимодействие как потенциальное «минное поле», где малейшее вмешательство может вызывать когнитивные разногласия. Британец постоянно ожидает реакции на свои слова. Неловкость возникает, когда он обнаруживает нарушение имплицитного социального сценария, например разговор с незнакомцем в общественном транспорте или во время разговора по телефону. Такое поведение нарушает «договор пассивного сосуществования» (passive coexistence pact) (Седых, Аматов, Ермакова, 2013, с. 115), который позволяет англофонам безопасно и предсказуемо делить общественное пространство.

В контексте общения коммуникативный дискомфорт не только испытывается британцами, но и активно выражается словами и театрализуется. Как, например, при помощи эллиптического использования слова “Sorry”, которое функционирует как междометие или восклицание не для того, чтобы предъявить вину, а для того, чтобы разрядить неловкую ситуацию: “Sorry? Could you repeat that?” (Извините? Не могли бы вы повторить?). Сюда же можно отнести прагматическое использование самоуничижительного юмора, иными словами, словесное принижение собственных компетенций или достижений, чтобы избежать впечатления высокомерия или заполнить неловкое молчание, а также реализацию британской инсценировки через прямую номинацию дискомфорта, используя выражения типа: “Well, this is awkward” (Ну, это неловко …), чтобы разрядить напряжённую обстановку.

Британцы, как и все люди мира, выбирают слова неслучайно, а структурируя абстрактные и сложные понятия, используют конкретный и знакомый опыт (Lakoff, Johnson, 2003). В медиапространстве и политическом дискурсе Соединенного Королевства такие важные события, как «Брексит», экономические кризисы или управление общественным здравоохранением, систематически рассматриваются через мощные метафорические сетки чтения, в частности, экономические кризисы, как правило, концептуализируются через метафору «войны» (War) или «путешествия» (Journey). Проанализируем ключевые концептуальные метафоры, структурирующие современную британскую реальность (IPh):

***Брексит**: «Путешествие» (Journey) и «Развод» (Divorce)*

Дебаты вокруг Брексита и его реализация полностью определялись двумя конкурирующими, но взаимодополняющими метафорами.

- *Brexit is a journey* (Взгляд сторонников Брексита)

В своё время сам процесс рассматривался как путешествие к цели – свободе. Британцы говорили о “road map” (дорожная карта), “landing a deal” (заключение сделки) или “uncharted waters” (неизведанные воды). Сторонники Брексита использовали эту метафору, чтобы представить выход из ЕС как необходимый переход к лучшему будущему (“Global Britain” = Глобальная Британия), где экономические трудности были лишь временными препятствиями на этом пути.

- *Brexit is a divorce* (Прагматический/критический взгляд)

В период рассматриваемого события эта метафора доминировала в юридических и финансовых переговорах (Charteris-Black, 2019). Данная часть британцев говорила о «плате за развод» (divorce bill = финансовое урегулирование развода), «опеке над детьми» (child custody), «правах граждан» (citizens' rights) и «разделе имущества» (division of property). Такая концептуализация подкрепляла идею болезненного, дорогостоящего и эмоционально напряженного разрыва, превращая сложный международный договор в брачный спор, понятный любому гражданину.

Сравнительная когнитивная и коммуникативная декомпозиция двух концептуальных метафор показывает, что выбор образа радикально меняет политическое, эмоциональное и прагматическое восприятие одного и того же исторического события, изменяя роли, отводимые действующим лицам, и предсказуемые результаты процесса. Так, нижеследующая контрастивная таблица отражает, как элементы реальности (Брексит) дифференцированно проецируются в двух исходных концептуально-знаковых областях (путешествие и развод) (Таблица 1).

Таблица 1. *Алгоритмы метафорического мышления британцев*

Акторы Брексита	Метафора путешествия	Метафора развода
Соединённое Королевство	The traveler / The driver	One spouse
Европейский Союз	The destination / The path traveled	The other spouse
Процесс переговоров	The itinerary / Obstacles on the road	Legal proceedings / Separation of assets
Окончательная сделка (Deal)	Arrival at the destination / A new stage	Divorce decree / Financial settlement
Выход из ЕС “No Deal”	A breakdown / Going off the road / Getting lost	A contentious divorce / A bitter breakup

С точки зрения логических импликаций и реализации причинно-следственных связей каждая из рассматриваемых выше метафор активирует определенные модели мышления (*ментальные зарубки*), которые направляют логику рассуждений в «конкурирующих» пространствах будущих последствий.

Первая фигура («Брексит – это путешествие») транслирует динамику прогресса и свободы, так как путешествие подразумевает движение вперед, стремление к автономии или «лучшему будущему». Возникающие при этом трудности (пробки на дорогах, границы) воспринимаются как внешние и временные препятствия, которые необходимо преодолеть. Как видим, данная метафора образно индуцирует необходимость политических действий как необходимого приключения, ценя мужество путешественника в лице Британии (Bechhofer, McCrone, 2007).

Второе метафорическое высказывание («Брексит – это развод») сигнализирует о кинетике разрыва и психической травмы. Развод подразумевает конец интимного союза, неудачу в отношениях и разрушение семейной (или общинной) ячейки, подчеркивая эмоциональные и финансовые издержки: «счет за развод» (divorce bill), «опека над детьми» (child custody), ассоциируя судебные издержки с проблемой ирландской границы, – и «взаимную неприязнь» к европейцам (mutual animosity) (Fairclough, 2013). По сути дела, данная метафора репрезентирует Брексит как болезненное и конфликтное мероприятие.

В контексте политической и медийной коммуникации эти метафоры используются обоими участниками и преследуют разные цели. Так, риторика путешествия используется преимущественно сторонниками выхода из ЕС с целью успокоить и мобилизовать британцев на поддержку путешествия-открытия. Используя такие выражения, как «глобальная Британия отправляется в плавание» (global Britain setting sail), сторонники Брексита представляют событие в позитивном, героическом и перспективном свете, поскольку контроль за событием, по их мнению, находится в руках «Британии-путешественницы» (Mortimer, 2011).

Риторика развода используется сторонниками сохранения членства в ЕС и переговорщиками от ЕС с целью повысить осведомленность о рисках и усложнить геополитическую дискуссию. Подчеркивая аналогию с разводом, противники выделяют взаимозависимость двух блоков. Выход из ЕС – это не так просто, как сойти с поезда; разделение носит структурный, юридический и карательный характер, подчеркивая тем самым, что в разводе нет победителей.

В целом сравнительный анализ показывает, что метафора путешествия упрощает процесс, представляя его как линейный выбор пространственной эмансипации, в то время как метафора развода усложняет дискуссию, сводя ее к дорогостоящему и конфликтному разрыву отношений. Выбор того или иного пути никогда не бывает нейтральным: он диктует логический вывод, к которому должен прийти сам собеседник.

Экономические кризисы: «Болезнь» (Disease) и «Прогноз погоды» (Weather forecast; Meteo)

Для объяснения экономической тематики в динамике её развития британцы часто прибегают к метафорам, которые деперсонализируют политическую ответственность. Проведём когнитивно-коммуникативный разбор нижеследующих дискурсных фигур.

- *The economy is a sick body* (Экономика – больное тело)

Ряд исследователей утверждают, что в языковом сознании британцев кризисы трактуются как патологии. Они часто говорят об экономике «в процессе восстановления» (in recovery), о «хронически низком росте» (chronic low growth) или о «параличе» (paralysis) (Leydier, 2008). Политические меры затем представляются как средства лечения: политика жесткой экономии – это «горькая пилюля» (bitter pill to swallow) или «хирургический разрез» (*surgical cut*), необходимый для спасения пациента (IPh).

Когнитивная структура и коммуникативная модель, заложенные в британском концептуально-метафорическом высказывании “The economy is a sick body”, могут быть выделены на базе следующих эпистемологических позиций.

– *Когнитивные основы: концептуальная метафора*

Сферой-источником рассматриваемой метафоры выступает человеческое тело в качестве конкретной, знакомой и биологической зоны. Каждый человек понимает, что такое здоровое тело, вирус, болезнь, рецидив, лекарство или выздоровление. Целевая область (экономика) как абстрактная, сложная и системная область. Глобальную или национальную экономику трудно понять целиком. Механизм отображения – человеческий разум, который проецирует структуру тела на структуру экономики, чтобы сделать её близкой и понятной. Так, экономический рост становится жизненно важным показателем хорошего здоровья, рецессия или инфляция – болезнью или лихорадкой, экономическая политика (например, меры жесткой экономии, стимулирование) становится медицинским лечением (хирургия, лекарства, электрошоковая терапия и пр.), а британские экономисты и политики берут на себя роль врачей или хирургов у постели больного (Kweku-Duah, Rutakirwa, 2020).

– *Коммуникативная модель: функции и убеждение*

В британском общественном и медийном дискурсе данная метафора выполняет несколько важных коммуникационных функций: *упрощения и популяризации*, *легитимизации политических действий*, *эмоционального детонатора и театрализации*. Она позволяет политикам и журналистам объяснять сложные финансовые явления (такие как, например, кризис фунта стерлингов или дефицит бюджета) широкой публике, используя универсальный язык. Экономика, представленная как больное тело, позволяет оправдать непопулярные меры, так как, если пациент находится в смертельной опасности, болезненные меры, такие как масштабные сокращения бюджета, описываемые как режим «хирургической экономии» (surgical austerity), становятся морально и логически необходимыми и оправданными (Malik, 2014). Болезнь естественным образом вызывает тревогу и чувство срочности. Активируя сценарий страха перед «упадком» или «смертью» (банкротство), коммуникативная модель подталкивает к быстрому принятию решений и «уменьшает пространство для идеологической борьбы» (Malik, 2014). Политико-прагматическая цель этой метафоры состоит в том, чтобы сделать непопулярные меры приемлемыми для населения, убедив его в том, что экономические лишения так же необходимы для оздоровления человеческого организма, как и лекарства.

- *The crisis is a weather storm* (Кризис – удар погоды / буря / ураган)

Погодная лексика обнаруживается как в устном, так и в медийном дискурсе Британии. К наиболее частотным метафорам можно отнести следующие: «инфляционные пертурбации» (inflationary headwinds), «экономическая буря» (economic storm), «резервный фонд на черный день / “подушка безопасности”» (rainy day fund = букв. прост. ‘заначка на дождливый день’). Концептуализируя кризис как природное явление, политический дискурс склонен представлять его как неизбежное. Роль правительства состоит не в предотвращении кризиса, а в том, чтобы «пережить бурю» (weather the storm), ожидая возвращения хорошей погоды.

Когнитивная и коммуникативная диагностика британской метафоры “The crisis is a weather storm” позволяет выявить некоторые черты фундаментальных механизмов концептуализации и распространения кризисных нарративов (особенно экономических или политических) в публичном британском дискурсе, организуя ход мысли и запуская причинно-следственные механизмы рефлексии на трёх уровнях.

1. Когнитивная структуризация (от исходной области к цели)

При помощи использования рассматриваемой фигуры речи невидимый мир становится видимым и осязаемым, так как экономический или политический кризис есть нечто абстрактное, системное и сложное, тогда как буря – естественное, визуальное, осязаемое и общепонятное природное явление. Неизбежность ненастья в определённой мере парализует активность, превращая ожидание в своего рода смирение. Метафорическое приравнивание к метеорологическому явлению репрезентирует кризис как силу природы, что предполагает, что он неизбежен, непредсказуем, а люди просто являются его жертвами.

Концептуальная структура выстраивается вокруг ассоциативной модели сопоставления производственных отношений с борьбой с природными стихиями: экономические последствия становятся дождем или градом, управление кризисом превращается в навигацию, подобную «проведению корабля сквозь шторм» (steer the ship through the storm) (Gamble, 2009), а окончание кризиса становится возвращением солнца или затишьем после бури.

2. Коммуникативные и риторические функции

Одним из основных эффектов, выявленных анализом британского дискурса (особенно в СМИ и выступлениях лидеров), является «политическое злоупотребление ответственностью» (political abuse of responsibility) (Оляничч, 2004). По мысли ряда исследователей британского дискурса, если кризис – это «буря», никто не несет ответственности за его возникновение. Таким образом, ошибки управления или недостатки финансовой системы маскируются под «стихийное бедствие» (natural disaster) (ABBYY). Данная лингвосемиологическая операция является частью дискурсного фрейминга, в рамках которого, описывая экономический, политический или социальный кризис как «шторм», «цунами» или «ураган», британские политические и экономические локуторы совершают стратегический семантический сдвиг нарратива (Седых, Аматов, Ермакова, 2013).

Речь идёт о легитимизации срочности, так как в условиях шторма нет места для длительных демократических дебатов; необходимо действовать быстро, чтобы выжить. Метафора “The crisis is a weather storm” служит оправданием мер жесткой экономии или исключительных чрезвычайных мер как единственно рациональных возможных ответных действий по «спасению британского корабля» (rescue of the British ship). Здесь работает известный британский принцип управление эмоциями: сначала вызывается страх пред неизбежностью происходящего (для получения поддержки), а затем предлагается концептуальная основа для устойчивости (критическая пассивность и сохранение экзистенциального статус-кво), то есть внушается надежда на то, что, как и любая буря, кризис в конце концов пройдет.

3. Специфический британский культурный контекст (морская тематика)

• Коммуникативный анализ показывает, что эта метафора резонирует с культурным и историческим воображением Соединенного Королевства, островного государства с давними морскими традициями.

• Производные выражения «задраить люки» (batten down the hatches), «пережить бурю» (weather the storm), «свистать всех наверх / все на палубу» (all hands on deck) вызывают чувство национального единства и типично британского стоицизма, передаваемого знаменитым итеративным призывом “Keep Calm and Carry On!”, не имеющим точного русского эквивалента, но чаще всего переводимого буквально: «Сохраняйте спокойствие и продолжайте…» с добавлением глагола, соответствующего контексту и ситуации (BNC).

Общественное здравоохранение и Национальная служба здравоохранения: «Война» (War)

Британская Национальная служба здравоохранения (United Kingdom National Health Service) занимает в Соединенном Королевстве почти религиозное место, и риторика вокруг нее носит глубоко «воинствующий» характер.

• *Health is a war* (Здоровье – это война)

Будь то борьба с Covid-19 или зимние кризисы в больничной системе, медицинский персонал систематически называют «работниками передовой» (frontline workers), а больницы превращаются в «поля сражений» (battlegrounds) (Yong, 2020). Следует отметить сильное психологическое воздействие на британцев частотной метафоры “The fight against the virus” (Схватка/битва с вирусом), которая мобилизует население и призывает к национальным жертвам, напоминая о бомбардировках во время Второй мировой войны. Данная фигура речи также затрудняет любую критику руководства государственной службы *NHS*, поскольку критика организации символически эквивалентна критике армии в военное время.

Резюмируя вышеизложенное, представим сводную таблицу, отражающую краткий обзор результатов когнитивно-коммуникативного анализа воздействия на британское мировидение концептуально-метафорических моделей освоения реальности (Таблица 2).

Таблица 2. *Параметры метафорической импактности*

Событие/Концепт	Метафора-источник	Политические и социальные импликации
Брексит	Путешествие/Развод	Трансформирует технократический процесс в стремление к независимости или семейную драму
Экономический кризис	Болезнь/Стихия	Представляет политику жесткой экономии как средство лечения или неизбежную естественную необходимость
NHS/Пандемия	Война	Индуцирует национальное единство и самопожертвование, но милитаризирует вопросы управления государственной службой

Итак, вышеприведённые метафоры служат не просто для украшения дискурса, напротив, они выделяют определенные аспекты реальности и заслоняют другие. Называя экономический кризис «бурей», медиалокуторы

сознательно не упоминают о политических решениях, которые его подпитывали. Называя Брексит «путешествием», они преуменьшают значимость конкретных юридических барьеров. Именно посредством этого когнитивно-коммуникативного механизма структурируются и направляются современные британские общественные дебаты.

Следует ещё раз подчеркнуть, что британский дискурс глубоко пронизан не всегда легко уловимыми *культурными ценностями и представлениями*, которые определяют социальные и политические взаимодействия внутри островного государства. Результаты когнитивно-коммуникативного анализа, проведённого выше, стимулируют к дальнейшей расшифровке фундаментальных понятий, таких как британский «индивидуализм» (***individualism***) и «негативная вежливость» (***Understatement*** = литота; недосказанность/***Hedging*** = уклонение от прямого ответа), посредством специфических текстовых маркеров (BNC).

Рассмотрим, в каких модальностях вышеуказанные понятия проявляются в современном британском дискурсе.

Индивидуализм и ответственность (самостоятельность)

Британский индивидуализм имеет исторические корни и проявляется в естественном недоверии к чрезмерной государственной власти и ценности личной свободы. Дискурс часто подчеркивает индивидуальную ответственность и локальный прагматизм. В центре внимания лексика, относящаяся к тематике независимости, свободы выбора и самодостаточности, а также речений, которые валоризируют личностные, а не коллективные действия. Так, в публичном дискурсе акцент делается на способности граждан управлять собой: «Британский народ не хочет, чтобы ему указывали, как жить» (The British people don't want to be told how to live their lives). Эта концепция часто противопоставляется моделям управления, воспринимаемым как чрезмерно бюрократические или централизованные, что в особенности касается «исторического дискурса в отношении Европейского союза» (BNC).

Негативная вежливость (смягчение мысли и уклончивость)

В британской культуре приоритет отдается избеганию прямых конфликтов и уважению личного пространства других (негативная вежливость). В дискурсе это выражается в систематическом смягчении высказываний, чтобы избежать чрезмерной агрессивности или догматизма, что проецируется посредством модализаторов «возможно» (perhaps), «слегка» (slightly), «скорее» (rather), «довольно» (quite), а также отрицательных или безличных конструкций. Например, вместо того, чтобы прямо и оценочно сказать: «Это ужасная ошибка» (This is a terrible mistake), британский локутор скорее использует эвфемизмы, такие как «Я не совсем уверен, что это лучший подход» (I'm not entirely sure this is the best approach) или «У нас тут небольшая проблема» (We have a bit of a situation here = букв. 'Мы имеем в некотором роде / отчасти ситуацию здесь'), чтобы описать серьезный кризис (COLLINS).

В коммуникативном поведении представителей современного британского социума нередко можно заметить черты *предвзятости и лицемерия*, которые проявляются на многих нарративно-тематических уровнях, когда выбор слов формирует политическое, общественное и культурное восприятие индивида и социума. Проанализируем несколько ярких примеров подобной дискурсной динамики.

Дискуссия об иммиграции и предоставлении убежища

Используемая британскими СМИ и политическими лидерами лексика глубоко модифицирует степень социальной толерантности англофонов и общебританское восприятие новоприбывших. Систематическое использование в современном британском дискурсе слова «мигрант» (migrant) вместо «беженец» (refugee) дегуманизирует статус этих людей. Дискурсное предпочтение термина «нелегальные мигранты» (illegal migrants) против «просителей убежища» (asylum seekers) вызывает прямую ассоциацию слова «нелегал» (illegal) с «мигрантом» (migrant), которая криминализирует человека еще до того, как будет рассмотрена его ситуация и принято решение о его государственном статусе.

Такие частотные биологические и «гидравлические» метафоры, как «тучи/рои» (swarms) или «наплыв» (influx), способствуют конвертации гуманитарного кризиса в стихийное бедствие или паразитарное вторжение, порождая чувство страха и защитной реакции среди британцев. Эти выражения усиливают чувство страха, активируя инстинкт защиты территории от биологического объекта, воспринимаемого как опасный.

- *«Рой/туча людей» (Swarm of people)*: это выражение попало в заголовки газет, когда премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон использовал его в 2015 году, описывая мигрантов в Кале, пытавшихся пересечь Ла-Манш. Использование термина «рой» (обычно используемого для обозначения насекомых, таких как саранча или пчелы) подверглось широкой критике за его дегуманизирующие коннотации.
- *«Вторжение/инвазия мигрантов» (Migrant invasion)*: в 2022 году министр внутренних дел Сьюэлла Браверман вызвала крупный скандал, заявив перед парламентом, что южное побережье Англии столкнулось с «вторжением» – термином с сильными военными и паразитическими коннотациями (BNC).

Социально-экономические эвфемизмы и классовая борьба

В Великобритании существует давняя традиция классового самосознания, и современный британский язык используется для маскировки или смягчения суровых экономических реалий.

- *«Кризис стоимости жизни» (Cost of living crisis)*: этот широко используемый в Британии термин представляет инфляцию и обнищание как метеорологическую неизбежность, а не как результат конкретных политических или экономических решений.
- *«Неблагополучные» (underprivileged) или «обездоленные» (disadvantaged)*: замена слова «бедный» (poor) этими терминами создает впечатление простого невезения или отсутствия привилегий, преуменьшая структурные барьеры и системное неравенство в британском обществе (COLLINS).

Эволюция инклюзивности и гендерная тематика

В отличие от многих индоевропейских языков, в английском языке нет грамматического рода для объектов, но в британском обществе ведется интенсивная лингвистическая дискуссия о социальном гендере.

• *Местоимение единственного числа* для обозначения человека неопределённого пола «Он/Она» (They): быстрое и институциональное внедрение небинарного местоимения в университетах, бизнесе и государственных службах (таких как Национальная служба здравоохранения Британии) активно меняет представления об идентичности. Язык и жители Соединённого Королевства вынуждены адаптироваться, чтобы нормализовать и узаконить существование реальностей, выходящих за рамки бинарной гендерной системы «мужчина/женщина».

• *Профессиональные звания*: переход от гендерных терминов, таких как “chairman” (председатель) или “fireman” (пожарный), к гендерно-нейтральным терминам, таким как “chairperson” (председательствующая персона) или “firefighter” (огнеборец), перестраивает восприятие профессиональных ролей, внедряя так называемые «равные возможности» непосредственно в повседневный лексикон (GBs).

Постбрекситовский национализм и ностальгия

Язык и дискурс, окружающие современную британскую идентичность, в значительной степени опираются на коды исторической памяти.

• *«Глобальная Британия» (Global Britain)*: этот политический лозунг постбрекситовского периода использует риторику, которая бессознательно активизирует образ Британской империи. Он направляет общественное восприятие к видению независимой и завоевательной державы, минимизируя реальность экономической изоляции.

• *«Дух блицкрига» (Blitz spirit)*: этот термин, используемый во время каждого крупного кризиса (например, пандемия или забастовки), формирует представление об обществе, основанное на стойкости и национальном единстве перед лицом невзгод, что порой препятствует социальным протестам.

Обратимся ещё раз к *коммуникативному регистру* рассматриваемого объекта исследования, который, как правило, фокусируется на социальном взаимодействии и влиянии дискурса на языковое мышление. В этом контексте британские СМИ и политики опираются на уникальную риторическую традицию, глубоко укоренившуюся в коммуникационной культуре страны, для формирования общественного мнения, используя иронию, эвфемизмы и сторителлинг в подаче когнитивно-образной информации.

Ирония и самоирония (Self-deprecation)

В отличие, например, от французской риторики, которая часто более формальна, британский политический дискурс использует юмор и иронию как мощные *инструменты убеждения*. Это помогает британским локуторам смягчить критику и создать ощущение «соучастия» с публикой, притворяясь отстраненными или высмеивая себя, политики очеловечивают свой образ и кажутся более доступными. Так, бывший премьер-министр Борис Джонсон построил большую часть своей карьеры на этой стратегии. В своих речах он часто использует намеренно непристойный юмор и ироничные фразы для передачи популистских посланий. Изображая себя эксцентричным и безобидным персонажем, он делает свои политические идеи более приемлемыми для широкой аудитории. Британские таблоиды, такие как “The Sun” и “The Daily Mail”, также преуспевают в едкой иронии, используя язвительные каламбуры на первых страницах, чтобы высмеять политических оппонентов, например, знаменитый заголовок “Will the last person to leave Britain please turn out the lights?” (Пожалуйста, последний, кто покинет Британию, выключите свет?) (GBs).

Эвфемизация (Understatement)

Чувство сдержанности – важная британская культурная черта. В политике оно служит для того, чтобы преуменьшить серьезные ситуации или замаскировать суровые реалии вежливой оболочкой. Шокирующий или тревожный термин заменяется более мягким выражением, чтобы избежать общественной паники или гнева. Например, в своих речах и текстах британские министры финансов систематически предпочитают термины «экономическая перестройка» (economic realignment) или «фискальная корректировка» (fiscal adjustment) терминам «жесткая экономия» (austerity) или «сокращение бюджета» (budget cuts) во время презентаций бюджета. Аналогично, сталкиваясь с крупными кризисами, британский министр часто описывает ситуацию как «сложную» (challenging), а не «катастрофическую» (catastrophic). Добавим, что BBC традиционно использует очень сдержанный тон и эвфемизмы, чтобы поддерживать видимость строгой нейтральности, описывая, например, крайние противоречия как «разногласия» (disagreements) (ABBYY).

Сторителлинг и «искусство создания историй»

Рассказывание историй предполагает преобразование необработанных данных или абстрактных политических программ в эмоциональные повествования, в центре которых находятся персонажи или общие национальные ценности. Британский медиааактор, как правило, создает повествование с героем (британский народ), врагом (бюрократия, страна-соперник или оппозиция) и целеполаганием. Так, кампания по Brexit 2016 года проходила под лозунгом “**Take Back Control**” (Вернуть контроль). Политические стратеги создали мощное повествование, в котором Соединенное Королевство было представлено как некогда славная нация, скованная брюссельскими правилами и нуждающаяся в своем «освобождении» (*liberation*). Это повествование было рассчитано на мобилизацию коллективного британского исторического воображения (особенно дух сопротивления времен Второй мировой войны). Отметим, что британские газеты почти всегда строят политические новости как драматическую мыльную оперу или спортивное событие. Они сосредотачиваются на личных соперничествах (например, создавая «напряжение» внутри резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10), а не на сути законов, потому что истории о предательстве и амбициях более привлекательны для публики.

В современном британском обществе *стандарты вежливости* в значительной степени основаны на избегании конфликтов и сохранении лица. Эволюция этих правил показывает переход от жесткой формальности к более неформальной, но столь же кодифицированной вежливости, где разногласия разрешаются посредством недосказанности, эвфемизмов и косвенной коммуникации. Представим несколько конкретных примеров того, как британцы сегодня разрешают разногласия без прямой конфронтации.

Несогласие, замаскированное под кажущееся согласие

Чтобы отвергнуть идею, не обидев собеседника, британец часто начинает с подтверждения его точки зрения, прежде чем вводить ограничительный нюанс. Например: “I see what you mean, but…” (Я понимаю, что вы имеете в виду, но…) или “That’s a very good point, however…” (Это очень хороший аргумент, однако…). На самом деле это часто означает «Я совершенно не согласен» (I completely disagree).

Искусство недосказанности

Прямое несогласие или выражение резкой критики воспринимается как агрессия. Поэтому используются формулировки, смягчающие негативное воздействие высказывания. Если речь идёт о каком-либо проекте, являющемся полной катастрофой, житель Соединённого Королевства может сказать: “It’s not quite what we expected” (Это не совсем то, чего мы ожидали) или “We have a bit of a situation” (У нас возникла небольшая проблема) (ABBYY).

Использование риторических вопросов или предложений

Вместо того чтобы говорить кому-то, что он неправ, современный британский политес предпочитает направлять сомнения в форме вежливого вопросительного высказывания. Например: “Are we sure this is the best approach?” (Уверены ли мы, что это лучший подход?) вместо категоричного «Этот метод не сработает» (This method won't work) (GBs).

Чрезмерные извинения

Извинения не всегда означают, что вы неправы; это социальный инструмент для введения противоречия или просьбы. Сюда относится распространённая в устах современных британцев фраза: “I’m sorry, but I’m not sure I follow” (Извините, но я не уверен, что понимаю), которая является вежливым способом сказать: «То, что вы говорите, не имеет никакого смысла» (What you are saying doesn't make any sense).

Цифровая «вежливость» в Британии *(Ghosting)*

В Великобритании цифровая вежливость (или этикет текстовых сообщений) находится под сильным влиянием культурных кодов традиционной британской вежливости, характеризующейся избеганием навязчивости, сдержанностью и тонким соблюдением социальной дистанции. Вопреки распространенному мнению, игнорирование или задержка текстового сообщения не всегда воспринимается как невежливость, а может быть преднамеренной стратегией, позволяющей избежать давления на собеседника или выразить отказ без прямой конфронтации.

Рассмотрим несколько примеров британской цифровой «вежливости»:

1. *Взаимное игнорирование после неудачного свидания*

В современных британских правилах знакомств и социального этикета, если первое свидание прошло неудачно и не было взаимного интереса, взаимное молчание (отказ от дальнейших сообщений) считается наиболее вежливым решением. Дело в том, что отправка прямого сообщения типа «Ты очень милый, но у нас просто не сложилось» (You're very sweet, but things just didn't work out between us) все чаще воспринимается как самонадеянность и излишняя обида. Вежливое игнорирование позволяет обеим сторонам сохранить лицо без конфронтации.

2. *Задержка ответа как знак уважения ко времени другого человека*

Мгновенный ответ на несрочное сообщение может быть воспринят как признак чрезмерно агрессивных взаимных ожиданий, так как в Британии 24 часа на ответ на сообщение – это общепринятый стандарт вежливости (льготный период = the grace period). Небольшая задержка перед ответом показывает, что вы не навязываете собеседнику бешеный темп разговора. Однако британский справочник ***Debrett's*** указывает, что превышение этого временного промежутка на целый день переходит грань и становится откровенной грубостью (OUPA).

3. *Игнорирование текстового сообщения, чтобы избежать резкого отказа* (мягкое «нет» = The Soft No)

Для многих британцев сказать категорическое «нет» – сложная задача, поскольку они предпочитают избегать социальных и интерперсональных конфликтов. Так, если кто-то организует групповое мероприятие, а вы не хотите или не можете пойти, оставление сообщения без ответа (или отсутствие ответа в групповом чате) все чаще воспринимается как неявный, но вежливый отказ. Это позволяет избежать заваливания переписки формальными или выдуманными оправданиями.

4. *Отказ от рабочих текстовых сообщений вне рабочего времени*

На рабочем месте британская вежливость изменилась. Ранее игнорирование сообщения от начальника считалось невежливым; сегодня не отвечать на текстовые сообщения или СМС через корпоративное приложение ***Slack***, предназначенное для объединения командной работы, инструментов и файлов в одном месте, вечером или в выходные дни считается общепринятым стандартом вежливости. Британцы считают, что отправка сообщения или запрос ответа вне рабочего времени считается вопиющим вторжением в частную жизнь.

Современный социальный контекст в Соединенном Королевстве характеризуется глубокими разногласиями и быстрыми преобразованиями. Современные дискуссии там особенно поляризованы, на них повлияли постбрекситовская эпоха, кризис стоимости жизни и культурные войны, политика и окружающая среда, национальная идентичность и гендерное равенство.

Проанализируем основные современные дебатируемые темы и то, как британцы обсуждают эти проблемы в письменной и устной форме.

Политика и экономика

На национальном уровне политэкономическая дискуссия зашла в тупик из-за неудовлетворительного управления государственными службами в условиях кризиса, такими как система здравоохранения, и затянувшихся геополитических последствий Брексита (OUPA). Кризис стоимости жизни (Cost of Living Crisis) определяет практически все политические разногласия в стране. Так, в письменном дискурсе таблоиды (например, The Sun, Daily Mail) используют популистский и сенсационный тон. К ключевым дискурсным единицам можно отнести термины: «либерально-инклюзивная повестка дня» (woke agenda) и «разрушенная Британия» (broken Britain). Более традиционные СМИ (например, The Guardian) отдают предпочтение структурному социально-экономическому анализу. В устном дискурсе в пабах или в дискуссионных программах, таких как ***Question Time*** (BBC), граждане выражают усталость от политического класса, чередуя цинизм и прагматичный гнев (BNC).

Экология и климат

Соединенное Королевство балансирует между целями по достижению нулевого уровня выбросов углерода (Net Zero) и экономическими реалиями домохозяйств. Прямые действия таких групп, как Just Stop Oil и Extinction Rebellion, глубоко разделяют общественное мнение. В рамках письменного дискурса социальные сети (X, TikTok) становятся полем битвы. Активисты используют лозунги абсолютной чрезвычайной ситуации (Climate Emergency), в то время как их оппоненты в комментариях к газетам называют их экотеррористами или «эко-фанатиками из среднего класса» (middle-class eco-zealots) (TPD). На уровне устного дискурса ежедневные дебаты часто сосредоточены на цинизме в отношении местных мер, таких как расширение лондонской зоны сверхнизких выбросов (ULEZ), воспринимаемых либо как жизненно важная необходимость для здоровья, либо как завуалированный налог на работников (BNC).

Национальная идентичность и иммиграция

Переосмысление постимперской «британскости» (Britishness) и управление иммиграцией (особенно вопрос пересечения Ла-Манша на небольших лодках) сопровождаются сложной межкультурной напряженностью. Официальные отчеты и статьи с выражением мнений колеблются между продвижением разнообразной и инклюзивной «Крутой Британии» (Cool Britannia) и более строго националистической риторикой, сосредоточенной на суверенитете и пограничном контроле. Устный дискурс часто закодирован, чтобы избежать обвинений в расизме. Термины «давление на местные службы» (pressure on local services) или «справедливость» (fairness) используются для выражения опасений по поводу иммиграции, в то время как правозащитники используют нарратив сострадания и международных обязательств.

Гендерное равенство и права трансгендеров

Одна из самых ожесточенных тем для обсуждения в Великобритании, в которой так называемые «гендерно-критические» феминистки, выступая за пространства только для женщин, как Дж. К. Роулинг, противостоят активистам за права трансгендеров (TPD). Словарный запас письменного дискурса данной тематики очень специфичен и служит идеологическим маркером. Появляются такие термины, как «цисгендер» (cisgender), “TERF” (Trans-Exclusionary Radical Feminist = радикальные феминистки, исключающие трансгендеров, те, кто основывает свое определение женщины исключительно на признаке биологического пола; наименование часто используется в уничижительном смысле), «гендерно-критический» (gender-critical) и «присвоенный при рождении» (assigned at birth). В биографиях в социальных сетях систематически включаются (или с гордостью отвергаются) местоимения (она/её, они/их = she/her, they/them) (GBs). Обсуждения в публичных и профессиональных кругах ведутся с большой осторожностью из-за опасений обвинений в распространении «культуры отмены» (cancel culture) или санкций со стороны отдела кадров. В этом плане британцы часто используют оговорки в устной форме, такие как: “I’m not being offensive, but…” (Я не хочу никого обидеть, но…), прежде чем выразить своё мнение по данному вопросу (COLLINS).

На основе интерпретативно-интеракциональной декомпозиции дискурсных фрагментов представим краткое описание письменных и устных стилей ведения беседы британского типа (Таблица 3).

Таблица 3. *Коммуникативные модусы письменного и устного общения*

Характеристики	Письменная коммуникация (сети, пресса, форумы)	Устная коммуникация (пабы, подкасты, публичные дебаты)
Общий тон	Поляризованный, академический или гиперсенсационалистский	Осторожный, с оттенком черного юмора или самоиронии (*British understatement*)
Стратегия	Использование идеологических ключевых слов (*woke, snowflake, gammon*)	Использование уклончивых ответов или эвфемизмов для поддержания социальной вежливости
Цель	Обозначить свою принадлежность к лагерю (*virtue signalling* или *anti-woke*)	Найти прагматичные точки соприкосновения или разрядить конфликт с помощью иронии

Как видим, с точки зрения когниции и коммуникации современный британский дискурс изобилует сложными и часто уникальными лингвистическими и прагматическими явлениями, отражающими как культурную эволюцию общества, так и психолингвистические стратегии адаптации дискурсного пространства к специфике национального мировосприятия и миромоделирования мира носителями британского варианта английского языка, в частности на уровне дискурсной тональности, нарративных стратегий и прагматики целеполагания.

Заключение

Опираясь на результаты проведённого исследования лексического и дискурсного материала с целью выявления типологических когнитивных и коммуникативных признаков современного британского узуса, представляется возможным прийти к следующим умозаключениям:

1. К *общим типологическим особенностям* британского английского языка и дискурса можно отнести, во-первых, быструю *лексическую эволюцию* лексического состава, в частности частую интеграцию неологизмов, связанных с технологиями, современными социокультурными реалиями и мультикультурными влияниями, например мультикультурный лондонский английский (*Multicultural London English* = MLE). Во-вторых, *гибридизацию стилистических регистров* в русле возрастающей проницаемости между формальным и неформальным языком, особенно заметную в использовании разговорных или идиоматических выражений в профессиональном или медийном контексте. В-третьих, фиксацию *устойчивых региональных различий*, иначе говоря, сохранение сильных диалектных и акцентных маркеров, несмотря на глобализацию, подтверждающее местную идентичность (шотландский, валлийский, североирландский и региональный английский).

2. К *когнитивным характеристикам* узуса рассматриваемого варианта английского языка, прежде всего, отнесём феномен *метафорической концептуализации*, то есть использование конкретных концептуальных рамок (фрейминг) для описания текущих событий, часто основанных на юморе, иронии или самоиронии. К важным элементам британской когниции относятся также дискурсные *фильтры смягчения* (*Hedging*), когда когнитивное предпочтение нюансов и избегания конфронтации, приводящее к сложным структурам, призвано минимизировать воздействие высказывания, например: “*I was just wondering*” (Мне просто интересно), “*It seems to me*” (Мне кажется), чтобы придать своему аргументу видимость абсолютной объективности, нейтральности и всеобщей истины. Сюда же отнесём явление *лингвистической экономии*; тенденцию к упрощению и когнитивной конденсации посредством сокращений, акронимов и эллиптических структур в повседневном общении.

3. *Коммуникативные характеристики* британского дискурсного поведения включают в себя *негативную вежливость* и *сохранение лица*, когда абсолютный приоритет уважения личного пространства собеседника определяет стратегии косвенной речи. Важную роль в британском общении играют специфические дискурсные маркеры посредством интенсивного использования разговорных «подпорок» и модализаторов, например “*right*” (правильно; верно), “*you know*” (знаешь), “*like*” (типа), “*fair enough*” (вполне справедливо) для структурирования обмена, а также своеобразного подтверждения умения слушать и поддержания социальной связи. Интегральной частью дискурсного взаимодействия является британский юмор в качестве социальной «антиадгезии» в русле систематической интеграции скрытой иронии (*understatement*) в серьезный дискурс для снятия напряжения или создания симулякра немедленного соучастия.

Перспективы дальнейшего исследования когниции и коммуникации британского дискурса лежат на стыке лингвистики, когнитивной нейронауки, прагматики и неодискурс-анализа. Обновлённая классическая концепция тесно связывает дальнейшее исследование механизмов человеческого познания и человеческого общения посредством прагматического анализа. Будущие эпистемологические подходы могут включать в себя модели «додискурсного» развития и то, как внутренние (когнитивные) ментальные структуры и социальная среда взаимно влияют друг на друга, особенно при анализе современного британского языка. Проективные модели *предиктивного кодирования* и *интеракционального согласования*, несомненно, коснутся исследований в когнитивной науке, которые все чаще трактуют коммуникацию как процесс непрерывного взаимного «предвидения» между говорящими во время социального взаимодействия.

Материалы исследования | Research materials

1. Гарагуля С. И. Имена массовой культуры Великобритании и США: лингвокультурологический словарь. М.: ИНФРА-М, 2024.
2. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
3. Наумов Ф. В. Культурная антропология: учебно-методическое пособие. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2025.
4. ABBYY – ABBYY Lingvo×3 ME // ABBYY Lingvo. M., 1996-2010. https://duns37.livejournal.com/350673.html
5. BDPF – Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. https://archive.org/details/brewersdictionar000544mbp
6. BNC – British National Corpus. https://www.english-corpora.org/bnc/
7. COLLINS – Collins: Free online dictionary, thesaurus, and reference materials. https://www.collinsdictionary.com/
8. GBs – A Glossary of Britishisms. http://www.peevish.co.uk/slang/british-english/
9. IPh – Idioms and phrases – The Free Dictionary. https://idioms.thefreedictionary.com/
10. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. http://www.ldoceonline.com
11. MD – Medical dictionary // Meriam-Webster. 2026. https://www.merriam-webster.com/medical
12. OUPA – Oxford University Press Academy. A Dictionary of Media and Communication. https://global.oup.com/academic/product/a-dictionary-of-media-and-communication-9780198841838?cc=ru&lang=en&
13. TPD – Toupictionnaire. Identité nationale // Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. https://www.toupie.org/Dictionnaire/Identite_nationale.htm

Источники | References

1. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1.
2. Болдырев Н. Н. Взаимодействие мыслительных и языковых структур как фактор динамики языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42).
3. Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45).
4. Власова В. В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: синтаксический аспект // Филология: научные исследования. 2025. № 3. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.3.73825
5. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2013.
6. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Жовнер Е. А. Коммуникативная личность современного британского политика (по материалам парламентских выступлений Дэвида Кэмерона и Бориса Джонсона) // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
8. Караваева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: Издательство ИИиА УрО РАН, 2016.
9. Карасик В. И. Языковое древо жизни: монография. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2025.
10. Кубрякова Е. С. О реализации значений слова в дискурсе // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007.
11. Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.
12. Матузкова Е. П. Английская идентичность как лингвокультурный гиперконцепт // Записки з романо-германської філології. 2015. Вип. 1 (34).
13. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2.
14. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.
15. Седых А. П., Аматов А. М., Ермакова Л. Р. Глюттонимия и национальный характер русских и британцев: монография. Белгород: Белгород, 2013.
16. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004.
17. Чижова А. О., Седых А. П., Вавилина Н. А. Тропный контекст и лакановский нарратив: французский, русский и немецкий языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 5.
18. Albrespit J. Construire l'énoncé en anglais: voix, négation, exclamation, interrogation. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2011.
19. Bechhofer F., McCrone D. Being British: a crisis of identity? // The Political Quarterly. 2007. Vol. 78. № 2.
20. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale // Le discours sur les "langues d'Espagne" / ed. C. Lagarde. Perpignan: Presses universitaires de Perpignan, 2009. http://doi.org/10.4000/books.pupvd.299
21. Charteris-Black J. Metaphors of Brexit: No Cherries on the Cake? Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
22. Dijk T. A. van. Discourse and Ideologies of the Radical Right. L.: Cambridge University Press, 2024.
23. Fairclough N. Language and Power. L.: Routledge, 2013 https://doi.org/10.4324/9781315838250
24. Gamble A.Introduction: The Britishness Question // Britishness: Perspectives on the British Question / eds. A. Gamble, T. Wright. Oxford: Political Quarterly Wiley-Blackwell, 2009.
25. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
26. Kweku-Duah P., Rutakirwa T. UK Immigration Before and After Brexit. L.: Tonniez Publishing Press, 2020.
27. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001
28. Leydier G. Gordon Brown, chantre de la britannicité // Observatoire de la société britannique. 2008. № 5. https://doi.org/10.4000/osb.700
29. Malik K. Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity After 9/11. L.: Seagull Books, 2014.
30. Mortimer I. The time traveller's guide to medieval England: a handbook for visitors to the Fourteenth century. Bath: Windsor, 2011.
31. Puren Ch. De la méthodologie audiovisuelle première génération à la didactique complexe des langues-cultures // Éla. Études de linguistique appliquée 2002. № 3 (127).
32. Sedykh A. P. Linguistic identity, national archetypes and sociocultural environment of their formation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2021. Vol. 7. № 3. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-2
33. Wierzbicka A. "Semantic Primitives", fifty years later // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 2. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342

34. Williamson T. Logic, Metalogic and Neutrality // Erkenntnis. 2014. Vol. 79.
35. Yong E. How the Pandemic Will End. 2020. https://www.theatlantic.com/health/archive/2020/03/how-will-coronavirus-end/608719/

Информация об авторах | Author information

RU

Бузинова Людмила Михайловна[1], д. филол. н., доц.
Седых Аркадий Петрович[2], д. филол. н., проф.
Кайржанова Джамиля Аязбаевна[3]
[1, 3] Московский международный университет
[2] Московский международный университет;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

EN

Lyudmila Mikhailovna Buzinova[1], Dr
Arkadiy Petrovich Sedykh[2], Dr
Dzhamilya Ayazbaevna Kayrzhanova[3]
[1, 3] Moscow International University
[2] Moscow International University;
Belgorod National Research University

[1] *rluda@mail.ru,* [2]*sedykh@bsuedu.ru,* [3] *jamie.84@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.08.2026; опубликовано online (published online): 26.10.2026.

Ключевые слова (keywords): этнолингвистика; британский дискурс-локутор; когнитивно-коммуникативная модель поведения; эвфемизация речи; британские стандарты интеракции; ethnolinguistics; British discourse participant; cognitive-communicative model of behavior; speech euphemization; British standards of interaction.